

«ГЛАВНОЕ — ХОРОШО ДЕЛАТЬ СВОЕ ДЕЛО»

Пожалуй, не так уж много найдется людей, которые не знали бы Фрунзе Мкртчяна. Заслуженную славу великолепного комедийного актера ему принесло участие в фильмах «Кавказская пленница», «Тридцать три», «Айболит-66», «Мимино» и многих других.

Но кино — это только часть творческой деятельности актера. С детства в его жизнь властно вошел театр, верность которому он хранит все эти годы. Бывший ученик электрика и подмастерье на текстильном комбинате пришел в Ленинканский драматический театр семнадцати лет от роду. Он поразил всех своей необыкновенной одаренностью в роли Хлестакова. Потом была учеба в Ереванском художественно-театральном институте, работа на главной для него и сегодня сцене Театра имени Г. Сундукяна. Здесь он сыграл Годуна в «Разломе», Меркуцио в «Ромео и Джульетте», заглавную роль в классической армянской пьесе А. Пароняна «Дядя Багдасар». В ряду лучших его театральных ролей также Эзоп в пьесе Г. Фигейредо «Лиса и виноград», Сирано в роestanовском «Сирано де Бержерак», Айрапет в «Намусе» А. Ширванзаде, Казар («Казар идет на войну» Г. Арутюняна)... А недавно Фрунзе Мкртчян выступил в совсем неожиданной для многих роли режиссера. Для многих, но не для себя самого. Ибо к постановке горьковской пьесы «На дне» он шел, наверное, давно.

Что же было главным в актерской пятилетке Фрунзе Мкртчяна? Что волнует его сегодня, когда мысли и дела наши обращены к итогам XXVI съезда партии. Об этом его беседа с нашим корреспондентом.

убежденность в том, что человек — это самое ценное, что есть на земле, что надо беречь человека, защищать его от жестокости, угнетения, разъедающей, размягчающей лжи и вместе с тем воспитывать в нем непримиримость к «свинцовым мерзостям жизни», желание бороться. Все это созвучно нашему времени, политике нашей страны, Коммунистической партии.

Нет, я не профессиональный режиссер. Но «На дне» я хотел и должен был поставить еще и потому, что у меня к этой пьесе глубоко личное отношение. Моя мать прожила тяжкую, полную испытаний жизнь, но до конца ее сохранила в душе свет, разума. Выражением всего этого стала для меня пьеса «На дне». Мне дорога ее

похожа на мою мать. В Париже, на площади Пигаль, я видел, как продавала себя моя Настя.

В фильме «Мимино» у моего героя есть такие слова: «Если я умру после смерти». Человек может умереть значительно раньше своей физической смерти. В своем спектакле я стремился протестовать против этого. Конечно, поставленная задача была чрезвычайно сложной. Ведь важно не только, что хочет сказать режиссер, но и как ему это удастся. Я видел фильм А. Курасавы на тему «На дне», спектакли в МХАТе и «Современнике», постановку А. Гулакяна в Сундукяновском театре, сам играл Бубнова в Ленинканском театре. Мне многое нравилось в каждом из этих произведений, а что-то я не принимал, с чем-то спорил. И когда появилась возможность вместе с В. Аджемяном поставить «На дне» со студийцами Театра имени Г. Сундукяна, я боялся повторить чьи-то пути, не стремился удивить зрителя. Я просто видел свой спектакль. И показывал ребятам то, что я вижу. И мои ребята, молодые, талантливые, понимали меня, играли с той верой, увлеченностью, которые дорожке профессионализма, равнодушной опытности.

А потом, когда они стали актерами, было решено возобновить спектакль на сцене Театра имени Г. Сундукяна. Сейчас он набирает силу. Не мне судить, каким он по-

лучился. Критика, к сожалению, высказывается не очень вразумительно. Поклонников хрестоматийных принципов постановки настораживает появление на сцене седобородого старца с мальчиком. А для меня старец — это разум, мудрость, истина. В мальчике я видел Данко, а может быть, самого маленького Горького. Он приходит на сцену с цветком для Анны, с оливковой ветвью, с книгой для Насти. А пламя свечи, которую он приносит в финале, — негасимый огонь жизни разума, добра. Конечно, есть в спектакле вещи непривычные. Слово птица, в последний раз взмывшая в небо, чтобы упасть и разбиться, танцует умирающая Анна. Декорация ночлежки решена в двух уровнях — подземелье и крыша, по которой ходят люди. Поет соловей в каменной коробке ночлежного двора. Гремит гром, когда Василиса расправляется с Натальей. Лаёт по-собачьи за глоток водки Барон. Лука ловит зеркалом солнечного зайчика, посылает его Анне, и она по-детски счастливо смеется...

Когда мы с актерами читали пьесу, нас всех поразила мысль Горького: человек забыл, что он хороший. Надо ему об этом напомнить. Люди, вы очень хорошие, хотели мы сказать нашим спектаклем. Моему сыну Ваагу десять лет. Он учится в художественной школе, но правильнее сказать, он живет, рисуя. Однажды он нарисовал ночь, а в ночи солнце.

«Слушай, сынок, разве бывает солнце ночью?» — спросил я его. Он расплакался от обиды: «Конечно, бывает! Разве ты не видишь?»

Искусство может все. Сейчас я думаю, что наш спектакль — это тоже попытка увидеть солнце ночью. Если она удалась, я счастлив. И за себя, и за своих друзей — молодых актеров.

Когда подводишь итоги чему-то, стремишься прежде всего отметить хорошее, что было. Моя актерская пятилетка принесла мне немало радости. Роль Апро в фильме Генриха Малаяна «Наапет» по-своему продолжила главную, волнующую меня тему человека и человечности. Это драматический рассказ о человеке, который вернулся на опустошенную родину после кровавой резни, в которой погибли его жена и дети. Он-то уцелел, но умер до своей смерти. Душа у него умерла, осталась на пепелище родного дома. Я сыграл его родственника, Апро. Этот человек верит в жизнь. Его душа не умеет быть спокойной, когда рядом горе. Он делает все возможное, чтобы пробудить в Наапете желание жить. Для меня Апро — это мой отец, мой брат, мой сын, мой народ. Такой, каким я знаю и люблю его. Фильм этот получил главную премию Всесоюзного кинофестиваля 1978 года.

Должен сказать, что не со всеми режиссерами могу работать. Наверное, кто-то

считает меня трудным. Это потому, что основной принцип моей работы — спор. Сначала я спорю с автором: почему он именно так написал, зачем это. Я бываю в это время похож на голодную кошку, которая крутится вокруг горячей миски: и хочется, и страшно вато попробовать. Поверив в роль, начинаю спорить с режиссером. Потом спорю сам с собой. И из всего этого происходит, наконец, объяснение в любви. Начинается встреча с музой ли, вдохновением — не знаю. Наверное, это и есть творчество.

Вот такое счастливое ощущение я снова испытал, снимаясь у Георгия Данелия в фильме «Мимино». Это замечательная комедия. Замечательная не только потому, что смешная. А потому, что под смехом таится очень многое: и грусть, и любовь, и доверие, и нежность, и боль. Мой герой шофер Хачикян — верный друг. Он верит в невиновность летчика Мимино и готов всем пожертвовать, чтобы отстоять правду. В сцене на суде я очень волновался: ну почему, почему судьи мне не верят? Как же я буду жить, смогу вернуться домой и посмотреть в глаза своим детям, если не спасу друга?

Я очень люблю Хачикяна. И рад, что его полюбили зрители.

Интересно и очень трудно было сниматься в Индии в совместном фильме «Али-баба и сорок разбойников». Я

сделал все, что мог, потому что осознавал себя не только актером, а и гражданином, представляющим свою страну. С особым чувством слежу сейчас за событиями в Ливане, рад укреплению нашей дружбы и сотрудничества с Сирией. Наш театр гастролировал там, и мы воочию убедились, как необходимы мир и благоденствие многострадальным народам арабских стран.

Да, в наше время быть просто актером, только играть и не видеть горестей, боли, забот окружающего мира, пожалуй, невозможно. Нравственность, искусство, патриотизм не могут быть вне политики. В Париже мне пришлось встречать много армян, которые тоскуют по родной земле. В Сирии и Ливане они даже пуговицы вышивали в качестве сувенира, стремились хоть догронуться до нас. Наапет вернулся на Родину. Только там мог он жить. Только там пробудилась его душа. Что мы без нашей древней и вечно молодой Армении, Советской Армении.

По-моему, главное в жизни — это делать свое дело. И, по возможности, хорошо. Впереди новые роли, новые встречи. Главное, что сама атмосфера нашей жизни проникнута высокой человечностью. Что мы сильны, добры и уверенно смотрим в будущее. А это значит, что сильно и прекрасно наше искусство.

Беседу записала И. МИЗЕНЧИКОВА.

МАЯ 1980